

КАЗАХСТАН:

ИННОВАЦИОННЫЙ ПРОБЕЛ

Одна из главных проблем Казахстана — чрезмерная сырьевая ориентация и технологическая отсталость. Безусловно, государство осознает необходимость инноваций. На самом высоком уровне постоянно обсуждается проблематика перехода республики к конкурентоспособной инновационной экономике, приветствуется ее вхождение в число стран, торгующих не только ресурсами, но и плодами нано- и биотехнологий.

Однако реалии оставляют желать лучшего: в основном инновации остаются пока лишь декларациями. Отсутствие работающей инновационной политики все больше превращает Казахстан в «нефтяное болото» без перспектив преодоления экономической и технологической отсталости страны. Инновации для страны не дорогостоящий каприз, а вопрос выживания.

За годы независимости уровень добычи нефти в Казахстане более чем утроился, увеличившись с 25,8 млн тонн в 1992 году до 79,5 млн тонн в 2010-м. Суммарный объем капиталовложений в нефтегазовый комплекс за это время превысил \$100 млрд, что является наибольшим показателем среди стран СНГ. Более 80% всех капиталовложений осуществили иностранные компании и совместные предприятия.

В результате, вклад нефтегазового комплекса в ВВП страны вырос с 10% до 25%, а его доля в экспорте достигла 60%. За счет поступлений от нефтегазового сектора формируется около 50%

доходов государственного бюджета. Таким образом, нефтегазовый комплекс в настоящее время это не только основной поставщик энергоносителей, но и ключевое звено экономики страны, обеспечивающее устойчивость ее социально-экономического положения.

Прорыв в никуда

Однако ударными темпами строятся только трубопроводы, по которым углеводородное сырье миллионами тонн и кубометров уходит в китайском направлении. При этом вся отрасль отличается зависимостью от иностранных технологий.

Доля продукции машиностроительного комплекса в общем объеме промышленного производства Казахстана сократилась с 16% в 1990 году до менее 3% сегодня, изношенность оборудования достигла 80%. Поспешная приватизация, неэффективное управление и отсутствие инвестиций в модернизацию машиностроительных заводов практически «убили» отрасль.

Результат: доля изделий казахстанского производства на внутреннем рынке машиностроительной продукции составляет около 13%, остальные 87% потребности страны покрываются за счет зарубежных поставок. Даже по наиболее востребованному в настоящее время сегменту — нефтегазовому оборудованию — отечественное машиностроение обеспечивает внутренний рынок всего на 1%.

В этой сфере работают лишь два десятка промышленных предприятий, которые выпускают всего около 300 наименований продукции и держатся на плаву, в основном, благодаря заказам НК «КазМунайГаз». Наиболее известные из них АО «Петропавловский завод тяжелого машиностроения» (освоил выпуск мобильных буровых установок грузоподъемностью 125 тонн, цементировочных установок, теплообменного оборудования), Ульбинский металлургический завод (электродвигатели для станков-качалок), АО «Белкамит Групп» (емкости для работы под давлением), АО «Мунайаспап» (различные измерительные датчики и системы).

Анализ плана освоения новых технологических процессов, новых видов производств и оборудования АО «НК КазМунайГаз» на 2010 год показывает, что в нем нет ни продукции отечественных заводов, ни разработок казахстанских ученых. План содержит лишь перечень оборудования западного производства и России, которое намечено установить и освоить.

Согласно данным ТОО «Product Sharing Agreement» (PSA) на 2010 год, доля казахстанского содержания в проекте «Тенгиз» составила 2,5% в товарах и 75,3% в работах и услугах, в Северо-Каспийском проекте — 1,9% и 14,2% соответственно.

Инновационные грабли

Высшее руководство страны много лет регулярно отдает команды по уходу от сырьевой зависимости. В Казахстане были созданы и утверждены бумажные пирамиды различных программ и стратегий, нацеленных на диверсификацию экономики и развитие инновационной индустрии.

Здесь и Стратегия индустриально-инновационного развития РК на 2003–2015 годы, и Программа по формированию и развитию национальной инновационной системы РК на 2005–2015 годы, и Программа технологического развития РК до 2015 года. Среди последних разработок — Госпрограмма по форсированному индустриально-инновационному развитию РК на 2010–2014 годы (ФИИР).

Собрав в нее десятки проектов (в основном ГОК и обогатительные фабрики) на миллиарды долларов, власти вновь пытаются заставить припавших к нефтяным скважинам и рудным карьерам «инвесторов» начать ускоренную индустриальную диверсификацию экономики. Однако сведение всех программ в одну не сделает инновационные планы правительства более реалистичными.

Представители бизнеса и аналитики сходятся в том, что текущее состояние промышленного производства и науки удручающее. По данным Агентства по статистике, износ средств производства в це-

лом по стране составляет около 40%, а в отдельных отраслях (энергетике, железнодорожном транспорте, АПК) превышает 70%.

Отсутствуют и прогресс в повышении наукоемкости ВВП (отношение стоимости выполненных научных исследований и разработок к ВВП). По данным Государственной программы развития науки на 2007–2012 годы, сегодня затраты на науку достигают лишь 0,26% ВВП, что соответствует уровню 1997–1998 годов.

Причем на опытно-конструкторские разработки в Казахстане идет только 8% всех денег, выделяемых на научную сферу. Для сравнения: Южная Корея, планирующая к 2012 году войти в пятерку стран с самой развитой наукой и техникой, объем затрат на НИОКР увеличивает до 3,5% ВВП.

В стране были сформированы финансовые институты: Банк развития Казахстана, Национальный инновационный фонд, Инвестиционный фонд Казахстана, Центр инжиниринга и трансфертных технологий. Однако никаких инновационных «прорывов» в стране не произошло.

«Институты развития» занялись не инвестициями в инновационные проекты, а размещением депозитов в банках второго уровня. Весьма показательна в этом отношении деятельность Инвестиционного фонда, который, по данным Счетного комитета, в 2003–2005 годах от реализации инвестиционных проектов по-

лучил доход всего в 1,6 млн тенге, тогда как доход от непрофильных активов составил 3 млрд тенге!

За счет поступлений от нефтегазового сектора формируется около 50% доходов государственного бюджета Казахстана

Новые программы и проекты помпезно презентуются, обсуждаются... и забываются, а бег по инновационным граблям продолжается. В результате новые совре-

Отечественное машиностроение обеспечивает внутренний рынок нефтегазового оборудования всего на 1%

менные высокотехнологичные производства в Казахстане можно пересчитать по пальцам. Переход к инновационной экономике практически ограничивается лишь декларациями, попытками развивать рыночную экономику администра-

Доля казахстанского содержания в проекте «Тенгиз» составляет 2,5% в товарах и 75,3% — в услугах, в проекте «Кашаган» — 1,9% и 14,2% соответственно

тивными методами без создания конкурентной среды и условий.

По данным Агентства РК по статистике, уровень инновационной активности предприятий в Казахстане за 2007–2009 годы снизился на 1/6 и составил 4% от об-

И М И С П | Санкт-Петербургский Международный Институт Менеджмента

МВА НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ

от одного из лидеров российского рынка бизнес образования
20 лет уникального опыта работы с отраслью

8 декабря 2011, 19:00 Презентация программы и мастер-класс «Управление карьерой на предприятиях нефтегазовой отрасли». Регистрация: marketing@imisp.ru

Санкт - Петербург, В.О., 9-я линия, д. 50, www.imisp.ru, +7(812) 325 - 1919

щего количества участников рынка. Это значительно ниже, чем в Эстонии (36%) и Венгрии (47%).

Кадровый провал

Дефицит квалифицированных специалистов, способных разработать инновационные програм-

Бумажные пирамиды различных программ и стратегий по диверсификации экономики и инновациям не работают

мы и технологии, внедрить их в производство и сделать коммерчески выгодными, ощущается сегодня на всех уровнях. Эта проблема сказалась даже на этапе подготовки Программы ФИИР, как, впрочем, и ее предтечи — Стратегии индустриально-инновационного развития.

«КазМунайГаз» обещает к 2015 году увеличить финансирование инновационных проектов в 100 раз, до 11 млрд тенге

За обеими, как правило, стоят «эффективные менеджеры» — молодые и амбициозные чиновники, прекрасно ориентирующиеся в таких понятиях, как EBITDA и PR, но незнакомые с реальным производством. Вчера они распределяли финансовые потоки в здравоохранении, сегодня то же самое делают в энергетике или машиностроении. При этом они обладают абсолютной глухотой к словам специалистов-практиков в руководимых ими сферах.

Крайне низкая квалификация государственного аппарата прак-

Но откуда возьмутся средства для инвестирования, если практически все отрасли экономики страны развиваются за счет долгового финансирования?

тически на всех уровнях управления была и остается главной причиной наблюдаемой из года в год организационной слабости власти в экономической сфере.

Не является эффективной и система образования. Профильное министерство разрабатывает и спускает в учебные заведения

стандарты, которые не обсуждаются и не согласовываются с представителями реального сектора экономики. К тому же фактически утрачен такой важнейший компонент обучения студентов, как прохождение ими практики.

В итоге учебные заведения, не имеющие ни современных программ обучения, ни необходимого оборудования, выпускают совсем не те кадры, в которых сегодня нуждается страна.

Например, в ведущем отечественном техническом вузе — Казахском национальном техническом университете — институтом машиностроения ежегодно выпускается лишь около 300 специалистов. О каких инновациях можно говорить, когда большинство высококвалифицированных специалистов в области машиностроения находятся либо в предпенсионном, либо в пенсионном возрасте?

Тем не менее, на основе Программы ФИИР казахстанские власти планируют к концу 2014 года увеличить до 10% долю инновационных предприятий от числа действующих. Как?

Где здесь место инновациям?

Несмотря на то, что развитие нефтепереработки и нефтехимии в Казахстане включено в число приоритетных задач, рост добычи нефти практически не привел к увеличению ее переработки внутри страны.

В стране нарастает дефицит нефтепродуктов, связанный с незавершенностью технологического цикла, отсутствием современных мощностей по выпуску реактивного топлива, масел, продуктов оргсинтеза. К примеру, значительная доля внутреннего рынка Казахстана по некоторым товарным продуктам приходится на импорт из России: около 50% светлых нефтепродуктов, 95% битумов, 90% смазочных материалов, более 70% синтетических моющих средств и пластмассы.

Глава «КазМунайГаза» К.Кабилдин пообещал, что нацкомпания к 2015 году увеличит финансирование инновационных проектов (разработка месторождений, повышение методов нефтеотдачи, применение современных

программных обеспечений, цифрового моделирования) в 100 раз, до 11 млрд тенге. Но откуда возьмутся средства для инвестирования, если практически все отрасли экономики страны до последнего времени развивались за счет долгового финансирования?

На начало этого года около 33% несырьевых компаний не могли принять участие в госпрограммах индустриально-инновационного развития, большая часть из них — вследствие отсутствия финансовых средств. Безусловно, без достаточного финансового обеспечения жизненный цикл инновации ограничивается стадией «идея». Но и только увеличением финансирования накопившихся проблем не решить.

Одной из особенностей казахстанской науки является то, что основная доля финансирования (71%) идет на прикладные исследования, тогда как на опытно-конструкторские работы выделяется лишь 8%. Результат — большинство действующих научно-исследовательских организаций не имеют в своем составе инженерной инфраструктуры (конструкторских, технологических служб, служб стандартизации и патентования, опытно-экспериментальных баз).

Кроме того, в финансируемые инновационные программы расходы на маркетинговые исследования не закладываются. Ярким примером ничем не подкрепленных амбиций и никем не просчитанных маркетинговых рисков стал торжественно открытый главой государства в сентябре 2006 года первый на просторах СНГ завод по производству биоэтанола «Биохим» в Северо-Казахстанской области. Стоимость этого комплекса составила \$110,7 млн, из них 50% — средства из республиканского бюджета.

В официальных газетах завод назвали «чудом степей» и «кластером XXI века». Однако финал этой затеи оказался печальным. За год работы завод (мощностью до 650 тыс. тонн биотоплива марок БЭ-92, БЭ-95, БЭ-98) смог реализовать только 4 тыс. тонн биоэтанола. Долги предприятия выросли до \$3 млн. Имущество «Биохима» пошло с молотка.